

ШИГА-ШИШИГА

ГАЛИНА ШЕСТАКОВА
РАССКАЗ

Галина Шестакова

Шига-шишига

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70600318

SelfPub; 2024

Аннотация

Мистическая история о шише-шишиге, которая живет в маленькой и странной деревне. Она уводит детей, потерявших надежду, на болота. Зовет их с собой голосами их родных. Спасти их можно, но только как? Кто знает секрет шишиги, тот спасет.

Галина Шестакова

Шига-шишига

ШИГА-ШИШИГА

Ленку отправили к прабабке в глухую деревню сразу же, как только начались каникулы. Ни слёзы, ни упрасивания, ни обиды не помогли. Мама собрала потрёпанный бордовый чемодан из кожзаменителя, с которым обычно папа ездил в командировки. Сложила туда всё – от маек, трусов до резиновых сапог и куртки.

– На случай атомной войны, – шутил папа обычно на такие сборы.

Но в этот раз папа не шутил, а понуро стоял, опершись на косяк двери в залу, и смотрел на Ленку.

Ленка сидела на диване, где стоял с раскрытой пастью чемодан, пожиравший её вещи. Когда из комнаты выходила мама, Ленка выживала что-нибудь из чемодана и выбрасывала за диван.

– Ну, пап, – канючила она, не глядя на отца, потому что понимала, что бесполезно.

Папа отводил взгляд при каждом её нытье и с тоской смотрел в угол.

В семье не ладилось вот уже полгода. Ленка это чувство-

вала, но не понимала, что происходит. Просто они перестали вместе ужинать, как раньше, на кухне. Мама обычно жарила котлеты, а папа сидел за столом, грыз карандаш и отгадывал кроссворды.

– Та-а-ак, – тянул папа, постукивая кончиком погрызенного карандаша себя по носу, – слово из трёх букв, вторая «у», – и он, прищурившись, смотрел на маму.

Мама смеялась, легонько стучала его ложкой по затылку.

– Правда, не идёт на ум ни одно приличное слово! – радостно смеялся папа, ловил мамину руку и целовал. – Не может же быть, чтобы в советском журнале печатали в кроссворде неприличное слово?

– Душ! – радостно кричала Ленка и удивлялась, какой у неё умный папа на работе и какой глупый дома.

Сейчас папа не ужинал дома совсем, а где-то в столовке по пути с работы, и мама жарила котлеты только для Ленки и себя. Плакала. Отворачивалась к стенке, тихонько всхлипывала и делала вид, что всё хорошо.

Но ничего хорошего не было, Ленка это понимала. Особенно было плохо то, что её на все летние каникулы отправляют к старой-престарой прабабке в деревню.

Конечно, они там бывали, приезжали с папой и мамой на пару дней, один раз – на неделю. И всё. Но чтобы на три месяца туда отправить Ленку одну! Раньше такого изуверства никому не приходило в голову.

– Мне нужны книги, – сердилась Ленка и выкидывала де-

монстративно курточку и сапоги из чемодана. – И кукла!

Мама молча выкидывала книги и куклу и укладывала обратно куртку и сапоги.

– Без книг ты там проживёшь, а вот без сапог и куртки, если будет холодно, дальше избы носа не высунешь! – ругалась мама, выживая вещи из-за дивана. – Лена! Да сколько можно! – и она отвесила Ленке вполне увесистую затрещину.

Ленка бросила на пол книги, куклу, спихнула все вещи с дивана и убежала в маленькую комнату, где они теперь жили с мамой.

В деревню к прабабке её привезла мама. Она долго отказывалась, потому что это была бабушка папы и она её немного побаивалась. Но папа укатил в командировку, и маме пришлось ехать с Ленкой на электричке, потом идти три километра по лесу до деревни.

Ленка стояла на крыльце. Чемодан всё время заваливался ей на ногу. А мама говорила с бабушкой.

Ленка слышала, о чём они говорят, хотя мама и пыталась объяснять тихо-тихо – о том, что они с папой переживают сложный период и им надо время, чтобы разобраться в отношениях.

– Хм, – усмехнулась прабабка, – чо тут разбираться? Или простить, или выгнать. Делов недолга.

– Варвара Ивановна, – тихо отвечала мама, – вы простите меня, но наша ситуация довольно сложная и нам надо прийти к общему решению, которое будет устраивать всех.

– Насыпала шелухи-то, – недовольно сказала прабабка, – слов набросала мне, словно мух осенних. Всё просто: или простить, или выгнать. Сложных ситуаций не бывает. Бывает семья, где любят каких есть. Если не любят, то семьи уже нет.

Мама что-то пыталась говорить ещё, но прабабка её оставила:

– Хватить мне тут шелуху свою сыпать, не отмыть дом потом. Иди, скоро электричка. Ленку оставь, не пропадёт она тут. Всяко лучше, чем на ваши судороги смотреть.

Мама вышла из дома красная и заплаканная. Попыталась поцеловать Ленку. Но Ленка отвернулась.

– Пока, доченька. Не скучай, – мама погладила её по голове.

И спустилась по скрипучим ступенькам. Вышла за калитку, осторожно её притворила, ещё раз посмотрела на дочь. Ленка не повернулась, так и стояла на крыльце с чемоданом. Мама беспомощно взглянула на прабабку, которая смотрела на неё в окно, вздохнула и пошла, ссутулившись.

Варвара Ивановна перекрестила её на дорогу и сердито задёрнула занавеску. Пробормотала «дура молодая» и вышла на крыльцо.

– Ладно, не грусти, детонька, – она взяла чемодан, легонько похлопала Ленку по плечу. – Ума наберутся твои родители и вернутся. Всё наладится.

Ленка дёрнула плечом и скинула руку прабабки, но зашла

за ней в дом.

– Вот твоя комната, – сказала Варвара Ивановна, – устраивайся. И приходи, будем чай пить с пирожками.

Ленка оглядела комнату. Маленькая, светлая. Кровать железная, старинная, с шишечками. Она потрогала – кровать тихонько скрипнула. Гора подушек, накрытых кружевом. От больших до маленьких. Одеяло, сшитое из кусочков, весёлое, радостное. У подушек сидел, привалившись, потрёпанный плюшевый мишка, с глазами-пуговицами. Он таращился на Ленку.

– Чо смотришь? – рассердилась Ленка и пихнула его.

Он завалился на бок, тихонько проворчал, но, может, Ленке и показалось. У окна стоял стул, расписанный яркими, весёлыми цветами. И маленький столик. Комната Ленке понравилась. Странно, она никогда её не видела, когда они приезжали раньше.

– Это комната твоей бабушки, – словно ответила на вопрос Варвара Ивановна, показавшись в дверях. – Её детская комната. Жила она тут, пока в город не подалась.

Ленка промолчала.

– Привет мне не передавала Настюша? – спросила Варвара Ивановна.

– Баба Настя, – вздохнула Ленка, – передавала привет и гостинцы. В чемодане. Ну, в смысле, гостинцы в чемодане, а привет на словах.

– Ну и славно. Пошли чай пить с пирожками. Ты какие

больше любишь? Сладкие?

– Сладкие, – опять вздохнула Ленка, вспомнив, что мама пироги давно не стряпала.

Оказалось, что с бабой Варей жить нестрашно. На вид она была суровой старухой, но с Ленкой была доброй. Рассказывала ей сказки, былички. В лес водила по ягоды, а по пути рассказывала про всякие травы, какая от какой хвори.

– Зачем тебе про травы знать? – удивлялась Ленка. – Пошёл и купил в аптеке лекарство от всякой болезни.

– Ну, у нас до аптеки пока доберёшься – помрёшь, – сказала сухо Варвара Ивановна. – Пешком пять вёрст киселя хлебать до соседней деревни, а там только аспирин и докторов нет.

– А если я заболею? – пугалась Ленка.

– Не помрёшь, – хмыкала баба Варя, – у меня не помирают.

Через месяц Ленка освоилась. Носилась по деревне чумазая и счастливая. Ну, почти, если маму с папой не вспоминала. Подружилась с деревенскими мальчишками. Их, пацанов, было всего двое. На лето они приезжали к семьям, а с осени уезжали учиться в интернат в большое село за десять километров. Домой только на выходные и праздники. Зато летом раздолье. Бегай где хочешь, уроков не надо делать. Только мамкам помочь иногда.

Один, Пашка, Ленкин одноклассник, а второй, Сашка, – на год старше. Вместе бегали в лес по ягоды, по грибы. Просто

в войнушку поиграть. Сначала, правда, они Ленку задава-кой городской считали, но потом, когда Ленка спасла Сашку, вспомнив бабы Варины рассказы про травки, признали за свою.

А было это так. Сашка напоролся на сучок и раскроил ногу. От вида крови в таком количестве Сашка побледнел и чуть не грохнулся в обморок. А Пашка и вовсе заголосил, как девчонка. Ленка нарвала подорожников, поплевала на них, протёрла ладошкой от микробов и налепила Сашке на рану. Потом уложила его на спину и приказала задрать ногу, чтобы кровь унять.

Отвернулась и прошептала бабкино заклинание: «На великом океане, на острове Буяне стоит камень Алатырь. На нём сидят две девицы, они родные сестрицы. Они прядут пряжу. Пряжа, оторвися, а, кровь, оттолися».

Что такое «оттолися» она не знала, но очень надеялась, что поможет. Минут через пять Саша порозовел, а кровь остановилась. Ленка разорвала носовой платок и стянула рану. От мамки Сашке, конечно, влетело. Но после этого Сашка и Пашка относились к Ленке уже как к равной.

Через пару месяцев Ленка сильно затосковала по родителям. Не в радость были и прогулки с бабой Варей, и игры с мальчишками. Она сидела в своей комнате, качалась на кровати и смотрела в окно. Ей иногда казалось, что в углу за старомодным комодом кто-то шебуршится. Несколько раз хоте-

ла сказать бабе Варя, но потом забывала. Валялась. Не хотела гулять, даже окно не открывала, когда приходили Сашка с Пашкой звать её. Сидела, смотрела в пустоту, вспоминала, как мама на кухне жарила котлеты, а папа смешно отгадывал кроссворды. Плакала. И обнимала старинного мишку с гла-за-ми-пуговками.

Баба Варя поглядывала на Ленку день, два, а потом сказала:

– Смотри, в лес одна не ходи.

– Я и не хожу, – буркнула Ленка, слушая скрип растянутых пружин кровати.

– И не слушай никого, – добавила баба Варя – поняла?

– Кроме тебя и Сашки с Пашкой слушать некого. Все остальные сидят по домам, со мной не разговаривают.

– Я не о них говорю, – сказала баба Варя, – есть кому тебе глупости нашёптывать.

– Кому? – недовольно спросила Ленка и отвернулась.

– Знамо, кому, – рассердилась баба Варя. – Шишиге.

Ленка только глаза на это закатила и ничего не сказала. Так до вечера и просидела в комнате. Поела и снова ушла. Всё смотрела в окно и качалась на скрипучей кровати.

– Шига, шига, шишига, – повторяла. – Фига, а не шишига.

– Тебе фига, – прошептали в углу за комодом. – Тебе, тебе, фига, а не мамины котлетки.

– Кто это? – подскочила Ленка и выронила мишку.

– Останешься тут навсегда с противной бабкой. Навсегда.

– Нет! – разозлилась Ленка. – Врёшь ты всё!

– Ага, – радостно согласились за комодом, – я вру. А ты тут навсегда останешься. Мамка твоя котлетки другому ребёнку будет жарить. Папка кроссворды будет разгадывать и другой дочке улыбаться.

– А я? – опешила Ленка.

Она, услышав такое, напрочь забыла, что ей баба Варя запретила разговаривать с какой-то шишигой.

– А я? – расплакавшись повторила она, понимая, что прав этот дурацкий голос за комодом, именно так и будет, просто она не понимала этого.

А иначе зачем тогда её спровадили в деревню? Значит, она не нужна! Не нужна своим собственным родителям.

Ленка заплакала.

– Плачь не плачь, а останешься тута навсегда, – удовлетворённо сказал голос.

Ленка почему-то подумала, что там, за комодом, даже ручки маленькие потёрли от удовольствия.

– Навсегда, навсегда! – повторили ещё раз.

– Нет! Это ты навсегда там за комодом останешься! – Ленка разревелась и со злости швырнула туда мишку.

– Ай! – пискнули там и затихли.

Ленка хотела было встать и забрать мишку, но испугалась. Страшно было даже ноги с кровати спустить.

Она накрылась одеялом, ещё поплакала, а потом уснула. Ночью проснулась от духоты и жары, оказалось, что во сне

она спрятала голову под подушку, отчего дышать стало тяжело. Вынырнула и посмотрела на пол, нет ли там никого.

Луна заглядывала в комнату осторожно, рассыпаясь через кружевную шторку на маленькие светящиеся конфетти и струящиеся, переливающиеся новогодние дождики на крашеном полу. Они с мамой такие всегда на Новый год развешивали на ёлке. А маленькие конфетти разлетались из хлопушек и лежали на полу почти неделю, Ленка не разрешала маме подметать эти яркие и блестящие кружочки.

Лена подняла взгляд и увидела, что на окошке, отодвинув шторку, сидела маленькая горбатая старушка в платке и держала в руках мишку с глазами-пуговками. Тонкими длинными пальцами она поднимала, опускала мишкины лапы, трогала его глаза-пуговики, поворачивала ему голову и тихонько напевала:

– Шига, шишига, всем вам фига.

– Отдай, – крикнула Ленка и запустила маленькую подушку-думку в эту противную старушеницу.

– Шига, шишига, всем вам фига, – безобразно кривляясь, пропела старушка и пропала вместе с мишкой.

И тут Ленка вспомнила, что ей снилось: она, якобы, сбежала от бабы Вари, приехала домой на электричке, а мама открыла ей дверь и сказала:

– Лена, зачем ты приехала? Мы тебя отдали вредной старухе, а у нас теперь хорошая дочка. Она не капризничает и ведёт себя хорошо.

И сидит Ленка потом на лестнице в подъезде и не знает, как ей быть дальше.

– Нет, – упрямо повторила Ленка и снова накрылась одеялом.

– Шига, шишига, всем вам фига, – тихонечко повторила старушка и погладила осторожно одеяло, под которым спряталась Ленка.

Утром Ленка проснулась и снова вспомнила страшный сон, который ей снился всю ночь без перерыва: она едет домой на электричке, ей открывает дверь мама и не пускает домой, потому что у них есть уже другая дочка.

Ленка позавтракала бабы-Вариными пирожками с малиной, выпила молока и снова ушла в комнату. Минут через десять в комнату зашла баба Варя и строго сказала:

– Хватит кукситься. Иди погуляй с Сашкой и Пашкой. А я хотя бы в комнате твоей уберусь. Смотри, весь угол за комодом в паутине! Верный знак, что что-то нечисто в доме!

Ленка вышла из дома, постояла и пошла не к Пашке с Сашкой, а в лес. Она решила уехать домой и спросить маму, а нужна ли им ещё она, Ленка, их «старая» дочка.

Пашка с Сашкой сидели на заборе, как обиженные воробьи, и смотрели, что Ленка идёт не к ним, а в лес. Одна!

Одна!

А её вредная прабабка Варя запретила ей ходить в лес одной. Ещё и Сашке с Пашкой наказала, чтоб следили. А если

не уследят, то она им уши поотрывает.

С неё станется. Страшная старуха. Живёт на отшибе и одна. А Ленка – дурочка городская, уйдёт в лес и заблудится. Да мало того, что заблудится, угодит в сети к шишиге. Или к лешему забредёт.

Они ж, городские, как дети малые! Ничего не знают. Ни как в лес ходить и возвращаться, ни кто в лесу живёт, ну, кроме волков и зайцев да прочей живности. Наивные.

– Иди, – Сашка на правах старшего пихнул Пашку с жердины, из которых был сколочен забор.

– Сам иди, – Пашка пихнул Сашку, и в итоге оба свалились.

– Ладно, – Сашка, как старший, нашёл выход, – вместе пойдём.

Пашка согласно кивнул, они ещё раз глянули, как Ленка идёт по тропке в лес, побежали к её прабабке Варе. Потому что, если её шишига зазвала, кричать Ленку бесполезно, а бежать за ней – боязно.

– Вариванна! – закричали они ещё от калитки. – Лен-ка-то того, в лес пошла. Одна!

Они добежали до дома, зашли, тщательно вытерев чумазы ноги о коврик. И позвали ещё раз, но уже тише:

– Вариванна!

– Тут она, – пихнул Пашка Сашку в бок и показал Ленкину комнату, где стояла вредная старуха.

Бабка Варя держала старого потрёпанного мишку в руках.

Смотрела на него испуганно и что-то бормотала. Мишка и правда выглядел не очень. Весь измазанный паутиной с прилипшими дохлыми мухами.

– Проглядела, карга старая, – сокрушённо вздыхала она и утирала слёзы. – Опять проглядела лишенько.

Мальчишки оглядывались, рассматривая девчоночью комнату.

– Вариванна! – Сашка осторожно подёргал старуху за рукав. – Ленка-то того, в лес пошла. Одна!

– Одна, одна, – расплакалась она. – Не послушалась меня. А я не углядела. Шишига вернулась.

Все в деревне знали эту страшную историю. Правда, никогда об этом не говорили. Раз в пятьдесят лет в деревню приходит шишига и пропадают дети. Сейчас в деревне только Сашка и Пашка. Но они-то знают все эти страшилки и в лес по одному ни ногой! А уж чтобы разговаривать незнамо с кем, так и подавно.

Заведёт, закружит шишига, и пропадёт человек ни за грош. Не найдёт его никто, сколь не ищи, сам себя потеряет, забудет, кто он. Никто не знал, что случилось с теми, кто ушёл за шишигой. С виду малюсенькая старушонка в платочке. Противная, но безобидная. Пальчики, словно веточки сухие. Длинные, тонкие. Сидит, перебирает, заговаривает человека. Он только её и слышит. Больше уже никого. Особенно деток любила уводить, ей, видишь, весело с ними, да и доверчивые они. Легко ребёнка увести, особенно если в

семье нелады. Догляда за ним нет, взрослые только про себя думают, про свои беды. Глупые, думают, что дети не видят и не понимают ничего.

Детей раньше шишигой этой с пелёнок пугали. Все всё знали. Но за пятьдесят лет всё забывается, даже самое страшное. Всё со временем становится сказкой и выдумкой.

Но не для бабки Вари. Точно так же она стояла пятьдесят лет назад с мишкой в руках и плакала. Пропала её старшая дочка Вера, увела её шишига, заморочила. Так и не нашли её. Пока деревенские собирались на поиски, муж Варвары Ивановны не дождался, ушёл один в лес за дочерью и тоже пропал.

Деревенские неделю искали их по лесу, топям, болотам. Всё, пропали с концами, словно и не было. Не сказать, что вздохнула деревня с облегчением, но сколь матерей перекрестилось, что не их дитяtko пропало, обошла стороной беда, забрав Варварину дочь и мужа. Жить можно теперь спокойно ещё пятьдесят лет. А там, там ещё много что может поменяться за такую-то прорву времени.

А Варвара? Она бы всё отдала, лишь бы вернуть и дочь, и мужа. И простила бы всё мужу-то, да поздно было. С тех пор и жила одна. Настя, младшая дочь, а ныне уже бабушка Ленкина, как только подросла, уехала в город. Выучилась там, замуж вышла. Да и не помнила точно, что случилось. Мать не рассказывала. Знала только, что в лесу сгинули и старшая сестра, и отец.

Ленка шла по тропке к станции. Электрички весело гудели где-то там, уже совсем близко. Даже и не страшно было идти, зря баба Варя пугала её. Тропка светлая, дорогу она помнит. Напрямик через лес – и вот уже и перрон. Останется только дождаться электричку и домой вернуться.

Потом в дверь позвонить. Мама откроет – и всё.

Тут, конечно, Ленка себе врала, что всё. Не всё, а самое страшное и начнётся. А вдруг там, действительно, дома, мама котлеты жарит на кухне, папе улыбается и смеётся. А папа кроссворды отгадывает. И там уже другая дочка сидит, всем улыбается. А Ленка уже давно никому не нужна.

– Ленка, Ленка, что ж ты не послушалась бабу Варю? – вдруг спросила Ленку мама.

– Мама? – удивилась Ленка. – Ты за мной приехала?

– Конечно, доченька, за тобой, – ответила мама. – Иди ко мне. Я шла, шла с электрички, устала, присела отдохнуть.

– Где ты, мама? – Ленка так обрадовалась, что нет никакой другой дочки, из-за которой её выгонят из дома.

– Иди, иди ко мне, – крикнула мама.

Её голос удалялся, уходил в лес.

– Мама! – испугалась Ленка, подумав, что мама сейчас уйдёт, пропадёт. – Мама, не уходи!

– Иди, иди за мной, доченька, – звала мама.

Ленка свернула с тропинки и побежала за мамой. А голос мамы становился слабее, уводил всё дальше.

В какой-то момент Ленка переставала её слышать, но потом голос снова звал её, из самой страшной темноты леса. Она бежала, бежала. Запнулась, упала, расцарапала коленку до крови. Платье уже давно болталось лоскутами, порвавшись о ветки. Ленка не чувствовала боли, страха. Слышала только голос.

– Шига, шишига, всем вам фига.

Ленка остановилась у края болотца и увидела: в середине на кочке сидит маленькая голая старушка. Ручки-веточки, пальчики длинненькие, тонкие. Сидит и приговаривает:

– Шига, шишига, всем вам фига, – кривляется и Ленке язык показывает.

Потом вдруг пропала.

– Лена, доченька, – опять позвал голос мамы, – иди ко мне!

Ленка тряхнула головой и шагнула в холодную зелёную болотину.

Чавк.

«Бежать, бежать надо, спасать надо», – билась мысль в голове у бабки Варвары. Но она стояла и не могла сдвинуться. Потому что в голове что-то словно шипело. Тихонечко.

«Ш-ш-ш-ш-ш-ш... ш-ш-ш-ш-ши... ш-ш-ш-ш-шиг...»

Она вертела мишку в руках и снимала с него по тоненькой ниточке паутины.

«Ш-ш-ш-ш-ш-ш... ш-ш-ш-ш-ши... ш-ш-ш-ш-шиг... ш-ш-ш-ш-ши-и-иг...»

Ниточнику снимет, скомкает.

«Ш-ш-ш-ш-ш-ш... ш-ш-ш-ш-ши... ш-ш-ш-ш-шиг... ш-ш-ш-ш-ши-и-и-и-ига...»

Муху снимет, на пол бросит.

«Ш-ш-ш-ш-ш-ш... ш-ш-ш-ш-ши... ш-ш-ш-ш-шиг... ш-ш-ш-ш-ши-и-и-и-и-ига-а-а-а...»

Опять ниточку снимет, муху тапкой раздавит. Муха, когда её давишь, также шипит:

– Шига, шишига, всем вам фига.

Бабка Варвара опять ниточки снимет, муху оторвёт и тапкой придавит.

«Ш-ш-ш-ш-ш-ш... ш-ш-ш-ш-ши... ш-ш-ш-ш-шиг... ш-ш-ш-ш-ши-и-и-и-и-и-ига-а-а-а... ф-ф-ф-фи-и-и...»

Разматывает, разматывает, а в голове уже звучит: «Шига, шига, шишига, фига, а не шишига».

Как прозвучало это, бабка Варвара посмотрела на Сашку с Пашкой и рявкнула:

– А ну, быстро за подмогой! И за мной. Ленку спасти надо. На электричку, говорите, ушла? Там же, направо, после сломанной ели, есть болото.

Мальчишкам два раза повторять не пришлось. Они только от одного вида старухи, которая паутину с мишки снимала и мух давила, так испугались, что как только услышали её голос, тут же прыснули из избы. Лишь у калитки останови-

лись и крикнули:

– Щас, Вариванна, позовём деревню! – и убежали.

Бабка Варвара вышла из дома, держа мышку, шла, снимала опять по ниточке паутинки, по мухе и сама уже шептала:

– Шига, шига, шишига, фи́га, а не шишига.

Дошла до места, где Ленка свернула с тропинки. Постояла, муху раздавила. Повернулась и на сучке увидела лоскуток ткани, как раз той, из какой Ленкино платье было.

– Шига, шишига, всем вам фи́га, – зашипела раздавленная муха под ногой бабки.

Так и шла по лесу, лоскутки с Ленкиного платья собирала, паутинки распутывала, мух давила.

– Шига, шига, шишига, фи́га, а не шишига, – повторяла каждый раз на шипение мухи.

Так и вышла к болотцу. А на кочке, в серединке, сидит шишига. Маленькая старушка, голая, серо-зелёные волосы дыбом, глаза, как гнилушки на болотах, светят.

– Не губи мою мышку, старая, – улыбнулась шишига, а вместо зубов сучки торчат. – Хочешь, я тебе Верку твою верну? Не нужна она мне больше, наигралась я.

– Ленку верни, шишига! – бабка Варвара муху между пальцев сжала и внимательно на старуху посмотрела.

– Нет, не верну, старая, – усмехнулась шишига, – и тебя утоплю!

Бабка Варвара усмехнулась и стала отрывать муху.

– Мама, мама, – такой знакомый голос зовёт.

Смотрит Варвара, а на кочке её Вера сидит и плачет.

– Мамочка, забери меня отсюда. Холодно мне и страшно, – и руки к ней тянет.

– Вера, доченька моя, – Варвара шаг, другой сделала.

Руки опустила. Всё готова бросить была, лишь бы девочку свою спасти. Но только мишка из рук не выпал. Тяжёлый стал.

Варвара посмотрела, что её так к земле тянет, и мишку с глаза-за-ми-пуговками увидела. Почти всю паутину с него сняла, и муха последняя осталась. Муха на неё глазами сверкает, как шишига гнилушками, и шипит.

– Шига, шига, шишига, фи́га, а не шишига, – сказала бабка Варвара и раздавила муху.

Всё поплыло у неё перед глазами, чуть не упала.

– Баба Варя! Баба Варя!

Смотрит Варвара, а на кочке посреди болота сидит Ленка. Испуганная, мокрая, в разорванном платье и с ободранной коленкой.

– Вариванна! – за спиной послышался крик деревенских. – Вариванна! Ау-у!

– Ленка, – выдохнула бабка Варвара. – Жива, жива, девочка моя! Сейчас!

Тут деревенские подбежали. Срубили две осинки, верёвку кинули и вытащили Ленку с кочки.

А через неделю папа с мамой приехали и Ленку забрали.

– Я к тебе на каникулы обязательно приеду, баба Варя, –

Ленка обняла прабабушку и поцеловала.

А потом посмотрела на папу с мамой, увидела, что те улыбаются, и поняла, что помирились они и нет никакой другой дочки, и всё теперь будет хорошо.